Константин Сергеевич Станиславский — это имя навеки связано с понятием «советский театр».

Вклад его в развитие советского искусства, больше того — всей нашей культуры поистине огромен. Сейчас, когда мы отмечаем 100-летие со дня рождения К. С. Станиславского, особенно ощутимы те крепкие нити, которые связывали великого мастера сцены со своими непосредственными учениками, с людьми своего поколения и с поколением новым, с представителями новой культуры.

К. С. Станиславский сделал много не только в области самого искусства театра. В понятие «театр», по его мнению, входили и все вопросы взаимоотношения актеров со зрителем, взаимоотношения двух сторон, разделенных рампой, но составляющих одно целое.

Современным и необходимым в театре он считал все его компоненты. И драматургию как воплощаемое, и театр как воплотитель, и зрителя, воспринимающего идею произведения. Воспитание народа, пришедшего в театр, было для Константина Сергеевича одним из важнейших моментов в деятельности театра.

* * *

Константин Сергеевич Станиславский среди множества начатых и, к сожалению, неоконченных им трудов оставил папку с краткой надписью «Этика». Материалы эти сейчас уже собраны и опубликованы, и, читая их, поневоле еще раз удивляешься, как сумел этот гениальный художник охватить все стороны жизни театра, обо всем сказать свое, новое и вместе с тем такое простое слово.

Не перестаешь поражаться и тому, как тесно связаны его заметки о театральной этике со всем учением о театре.

Эти заметки, подчас конспективные, чрезвычайно точно говорят об отношении самого Константина Сергеевича к театру, о его требованиях к коллективу.

Недаром в практику и быт советского театра прочно вошли основные принципы деятельности МХАТ. Сила, жизненность их не в сугубо административных мероприятиях, проведенных К. С. Станиславским и В. И. Немировичем-Данченко в их организационной форме, а в том, что реформа эта — творческая, закономерно возникшая из требования самого искусства. Забота Константина Сергееви-

К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ
РОЖДЕНИЯ
К. С. СТАНИСЛАВСКОГО

Сердце, отданное искусству

ча о создании наилучших условий и для творчества актера, и для восприятия спектакля зрителем — это тоже своеобразная система его взглядов на театр.

Станиславского-актера, Станиславского-режиссера можно было знать, любить и высоко ценить из зрительного зала. Но Станиславский-руководитель, организатор театра во всем величии раскрывался, конечно, лишь за кулисами, в ежедневных рабочих буднях. Трудно передать ту всепоглощающую любовь к театру, которой жил Станиславский, — страстную, бесконечно неуспокоенную любовь художника, для которого в искусстве малые и большие дела существовали неразрывно.

Сцена для него постоянно оставалась чем-то возвышенным, волнующим, необыкновенным. Может быть, как раз от этого возникло и обостренное ощущение Константином Сергеевичем всех шероховатостей, его болезненное восприятие каждой соринки в стенах театра. И именно потому был так велик его авторитет, так глубоко западало сказанное им слово, что сам он являлся для всех нас воплощением чистого, возвышенного, строгого отношения к своему делу, к искусству.

«Подходи к каждой роли, как к первой» — это требование искренности, горячности, непосредственности в творчестве целиком можно отнести и к его стремлению оставить в той же свежести, нетронутости и организационные, этические нормы созданного им театра. «Приходи в театр всегда, как в первый раз — с той же любовью, с той же трепетностью» — такими словами можно было бы выразить требования, предъявляемые Константином Сергеевичем к нашему театральному быту, к нашей жизни на сцене и за кулисами. Он учил этому каждого, кто переступал порог театра, — и зрителя, и артистов.

Особый интерес вызывают записи Станиславского, посвященные работе театра в первые годы революции, где говорится о взаимоотношении МХАТ с новым зрителем.

Революция. Годы гражданской

войны. Новые люди заполняли залы театров. Они приходили после сражений, не отряхнув окопную пыль, приходили обветренные в боях, в борьбе за землю, за хлеб, за будущее страны — люди, начавшие строить новое общество. Они приходили в театр с великой пробудившейся жаждой эстетических откровений, они искали в спектаклях ответы на волновавшие вопросы жизни. Но большинство из них до сего времени никогда не заглядывало в театральные залы, большинство из них не знало культуры театра, и тем более тех основ, на которых держалось искусство МХАТ, тех организационных принципов, на которых оно создавалось. Они входили в зрительный зал в шапках, подчас в шинелях, не имея возможности снять их, в залеженных грязью сапогах — они приходили с фронта, чтобы завтра вновь идти и сражаться с врагами революции. Они со всей грубоватой непосредственностью выражали подчас свои чувства и впечатления во время спектакля — уж очень велики и необычны были эти впечатления.

Такой зритель пришел во МХАТ. Здесь его привлекла большая правда жизни, неподдельность происходящего на сцене. Он был благодарен артистам, но даже не представлял себе, сколько вместе с творческой радостью принес хлопот и беспокойства создателям и руководителям этого театра, которые еще на заре своей деятельности так упорно стремились добиться дисциплинированности зрителя.

Для Станиславского — руководителя театра — это было сложное и мучительное время. Несмотря на огромную благодарность новым зрителям, принесшим в театр горячее дыхание кипучей жизни, его — организатора МХАТ — не могло не тревожить «нетворческое» на первый взгляд поведение зрителей на спектакле: он не мог простить им опоздания, шума во время действия; протестовал против того, чтобы в зрительный зал входили в галошах и шапках. Но тут же перед Станиславским вставала задача, которая, как он счи-

тал, выпадала в то время на долю МХАТ. Воспитать народные массы, вливавшиеся в театр, сделать из них культурных граждан своей страны.

Для этого нужно было прежде всего подтянуть, подчинить особенно жесткой дисциплине самих работников театра. Театр должен быть образцом культуры для нового зрителя. Поэтому с таким нетерпением записывал в те годы Константин Сергеевич в журнале, что, например, в уборных для зрителей платяная щетка лежала рядом с полотенцем... и обрушивался на актеров, пренебрегавших дисциплиной...

«Именно теперь, с новой публикой, которую надо воспитывать, — необходимо настоять на том, чтобы наши правила соблюдались», — пишет он, возмущенный тем обстоятельством, что в середине действия какого-то спектакля открывали дверь и впускали зрителей (1919 г.).

Константин Сергеевич добивался в те годы неуклонной требовательности и по отношению к публике — «надо быть с ней неуклонно строгим, не уступать ей ни в чем от наших порядков». Это было требованием подчинить публику с первых же лет театральной дисциплине, требованием сохранить творческую атмосферу жизни театра.

«Необходимо, — записывал он в эти годы, — придумать какие-нибудь объявления в коридорах и афишах о том, как вредно для самой публики шуметь и кашлять».

Более того, во время одного из спектаклей «Дядя Ваня» (15 февраля 1919 г.) Станиславский перед началом второго акта сам вышел перед занавесом и объяснял публике значение тишины для хода спектакля и игры артистов. «Заявление, — записал потом Константин Сергеевич, — было встречено одобрительно. Весь спектакль шел при полной тишине. Даже не позволяли смеяться. Если б на каждом спектакле делали то же, то через месяц, я ручаюсь, не узнают публику».

Она (подберется!) и не посмеет входить в театр в пальто и шляпах. После второго акта потребовали, чтобы удалили из зала пьяного. Он был удален».

В декабре 1917 года Станиславский записывал в театральном

журнале (спектакль «Три сестры»): «В первом акте на блюде ничего не было. Тарелки были пустые. Видно сверху. Если нет хлеба, пусть дают бутафорский».

Нужно было обладать подлинным мужеством, большой силой, необычайной верой в свое дело, чтобы в то время, когда шла великая переоценка достижений прошлого, когда страна жила трудно, когда в быту актерам не хватало хлеба, продолжать работу без всяких скидок на трудности, держать весь коллектив в постоянном творческом напряжении. Станиславский не отступал ни от одного своего принципа и, как прежде, считал все вопросы жизни театра важными и принципиальными — и поведение актеров, и дисциплину зрителей, и состояние спектаклей.

Во всех этих записях, каких бы вопросов жизни театра они ни касались, Константин Сергеевич Станиславский предстает перед нами как трибун, как страстный агитатор за нормальную, полнокровную жизнь театра, за нерушимость и предельную организованность творческого процесса. Этот неиссякаемый боевой агитационный запал был неотъемлем от всего облика Станиславского — организатора и руководителя.

Свой большой теоретический труд Константин Сергеевич, к сожалению, не закончил. Но навсегда останутся в памяти его великие заветы актерам и зрителям. Навсегда приняты на вооружение советским театром те высокие этические принципы, в которые он верил.

Его страстные и вдохновенные труды постоянно будут лежать в основе развития советского театра, призванного удовлетворять высокие эстетические и духовные запросы человека, создающего новое, коммунистическое общество.

Б. ПЕТКЕР,
народный артист РСФСР.

АДРЕС РЕДАКЦИИ: Москва, А-47, улица «Правды», дом 24, 5-й этаж. ТЕЛЕФОНЫ ОТДЕЛОВ РЕДАКЦИИ: Справочный — Д 3-37-72; Партийной жизни — Д 3-36-08; Сельскохозяйственного — Д 3-39-22; Науки, школ и вузов — Д 3-35-00; Международной жизни — Д 3-32-80; Литературы и искусства — Д 3-32-Секретариата — Д 3-36-43; Писем — Д 3-39-08.

Б 02811.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И.

Сов. Россия, 1963, 17 янв.